

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье прослеживается процесс формирования системы профессионального музыкального образования на огромной зауральской территории Российской империи в конце XIX – начале XX в. и определяется деятельность Томского отделения Императорского Русского музыкального общества в этом направлении как наиболее последовательная и успешная.

Ключевые слова: музыкальное образование, Сибирь и Дальний Восток, Томское отделение Императорского Русского музыкального общества.

Начавшее свою деятельность в 1859 г. в Петербурге Русское музыкальное общество ставило перед собой две важнейшие задачи: 1) подготовка отечественного музыканта-профессионала; 2) приобщение широкого слушателя к классической музыке. Иными словами – задачи образования и просветительства. Потребность в том и в другом к середине XIX в. назрела настолько, что передовые люди России, не сомневаясь в своевременности их решения, перешли к активным действиям вплоть до открытия в 1862 г. первой российской консерватории (называвшейся изначально училищем).

До того уроки музыки или пения предусматривались образовательными программами различных светских учебных заведений: от гимназий до университетов (Московского [1, 2], Харьковского и др.). Степень музыкальной подготовки везде была разной; где-то она оставалась на уровне постижения начальной музграмоты, где-то владения каким-либо инструментом со знанием элементарной теории музыки, а где-то и без таковой, но с опытом участия в хоре. Наиболее основательное музыкальное образование получали, например, воспитанницы женских учебных учреждений, среди которых особенно выгодно в этом отношении выделялись Смольный институт [3] и С.-Петербургское училище ордена св. Екатерины [4]¹, где девочек готовили в домашние наставницы, и они потом могли (помимо прочего) преподавать музыку в домах состоятельных горожан. Женский институт в Саратове [5] и девичий в Иркутске [6] выпускали барышень, тоже хорошо музыкально подготовленных, но тут все же следует говорить более о «музыкальном воспитании», нежели о «музыкальном образовании». То же самое происходи-

ло и с подготовкой мальчиков [7], которую они получали в Пажеском корпусе, в Училище правоведения [8], в Сухопутном шляхетском корпусе и многочисленных кадетских корпусах [9]², в учительской и духовной семинариях Иркутска [6] и др. Как правило, везде из вышеперечисленных учебных заведений преподавателями музыки были иностранцы, «встроившиеся» в уклад русской жизни [10, 11]. Большинство из них – педагоги-самоучки – по всей стране зарабатывали на жизнь еще и частными уроками музыки. Все они заполняли ту нишу музыкального пространства России середины XIX в., которая должна была бы быть заполнена отечественными музыкантами-профессионалами, получившими системное образование у себя на родине. Но их пока не существовало, и потому закономерно первый параграф Устава РМО предусматривал «развитие музыкального образования...», а Антон Григорьевич Рубинштейн (основатель РМО) боролся против тотального засилья дилетантов. В результате этой борьбы и благодаря его усилиям в 1862 г., как уже было сказано, в столице открылась первая консерватория. Окончание этого специального учебного заведения с дипломом (еще его оканчивали с аттестатом) давало выпускникам общественный статус свободного художника, подобно тому, каковой имели выпускники Академии художеств. Можно смело утверждать, что с первого же консерваторского выпуска в России фактически начал зарождаться новый класс людей – «доморощенных» профессиональных музыкантов. В это же время по всей стране стали открываться отделения РМО, а при них музыкальные

¹ Например, участница 25-летнего юбилея царствования государя императора Александра II, на который «съехались все институты и все гимназии...», вспоминает: «...присутствовал весь Двор... Мы все были расставлены большим полукругом и когда вошел Император в сопровождении принца Петра Георгиевича и герцога Эдинбургского, то общий хор из 600 голосов институток и гимназисток исполнил поздравительный гимн... Государь был растроган до слез...» [4, с. 40].

² В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) имеется личный фонд великого князя Константина Константиновича Романова, «отца всех кадетов» (известного под творческим псевдонимом К.Р.), вице-председателя ИРМО в 1897–1908 гг., где автором этих строк обнаружена рукопись нот (1890 г.) четырехголосного хора с сопровождением фортепиано и с посвящением «К.Р. от сибирских кадет» [ф. 660, оп. 2, д. 22], музыку которого сочинил Тучинский (член Омского отделения ИРМО. – Т.3.), а также нотная рукопись, посвященная сибирскими кадетами сыновьям К.Р. – Иоанну и Гавриилу [там же, д. 612].

классы, готовящие к трудовой деятельности музыкально образованных специалистов для начального обучения музыке или для продолжения их образования в консерватории. Так, к 1870-м гг. открылось уже девять отделений в европейской части страны, но ни одного в ее азиатской части. Тем не менее стратегический вектор развития в этом направлении был задан и просвещенные люди русской Азии (а таковые тут имелись!) по мере возможностей начали прививать «столичное новшество» и здесь.

Так, в сезоне 1874/75 г. золотопромышленник М. Д. Бутин (1835–1907) добился того, чтобы в Нерчинске открылось отделение РМО с музыкальной школой, «34 ученика оркестрового класса которой за 1876 г. устроили 8 концертов под управлением М. Л. Маурица». Об этом «прекрасном оркестре», да и о потрясающей красоте Бутинском дворце, превращенном в модный салон, в начале 1880-х гг. оставил запись в своем путевом дневнике государственный деятель М. Н. Галкин-Враский. Он, бывший саратовский губернатор, а затем член Государственного совета (1896), оставался до конца дней своих постоянным уполномоченным в Главной дирекции Императорского (с 1873 г.) Русского музыкального общества от Саратовского отделения, созданию которого в свое время он немало способствовал и хорошо знал изнутри деятельность организации, находящейся под августейшим покровительством. Михаил Николаевич Галкин-Враский (1834–1916), совершавший по линии Тюремного комитета инспекционную поездку, искренне восхитился светской жизнью в месте каторги и ссылки и не удержался от упоминания в путевом дневнике о существовании в далеком Забайкалье отделения ИРМО. Но, к сожалению, в середине 1880-х гг. учредителя этого очага музыкального просвещения купца 1-й гильдии Михаила Дмитриевича Бутина постигло большое разорение, повлекшее за собой как его отъезд в Иркутск, так и закрытие Нерчинского РМО.

К этому времени помимо двух консерваторий в Петербурге и Москве существовали музыкальные классы или музыкальные училища при отделениях ИРМО в Киеве, Варшаве, Харькове, Нижнем Новгороде, Пскове, Саратове, Кронштадте, Орлове, Тамбове, Пензе, Тифлисе, Одессе. Состояние дел этих провинциальных отделений по поручению Главной дирекции ИРМО в 1888/89 г. профессор Петербургской консерватории Карл Карлович Зике (1850–1890) должен был проверить. Как видно, в их числе не значилось Нерчинского РМО. Вместе с его ликвидацией исчезло и единственное на всей территории от Урала до Тихого океана музыкально-учебное заведение. Такового в азиатской части Российской империи долгие годы не было,

несмотря на то что в Западной Сибири функционировали отделения ИРМО – в Омске (с 1876 г.), Тобольске (1878) и Томске (1879) [12]. Ни одному из них к концу 1880-х еще не удалось организовать своих музыкальных классов (хотя томские меломаны и находились в процессе активного решения этого вопроса).

С 1888 г. томичи вмиг стали жителями университетского города, поскольку здесь открылся первый за Уралом Императорский университет. Благодаря этому обстоятельству очень скоро в составе местного народонаселения появилась особая прослойка, называемая профессорско-преподавательской [13]. Вместе со студенчеством она автоматически была призвана «привлечь любовь пространства». Благодаря разночинной интеллигенции, «соцзаказ» на классическую музыку в Томске был предопределен, а необходимость создания здесь профессионального музыкального заведения становилась все более и более очевидной. Задача музыкального образования, как правило, прописывалась в уставных документах любого вновь открывающегося отделения Императорского Музыкального общества. Томское не являлось исключением. Устройством музыкальных классов при ТО ИРМО впервые всерьез озаботились члены его дирекции 1886–1889 гг. После того как в программу работы отделения на это трехлетие был вписан пункт об устройстве музыкальной школы, от одного из директоров ТО ИРМО – Григория Севериновича Томашинского (18?–1901), правителя канцелярии попечителя Западно-Сибирского учебного округа – в Петербург посыпались всевозможные письма, бумаги, просьбы по этому вопросу. В рамках неустанной организационно-бюрократической деятельности Г. С. Томашинский лично разработал проект Положения о музыкальных классах, о них же он настойчиво говорил и в своей пламенной речи по поводу 10-летия ТО ИРМО, текст которой опубликовал «Сибирский вестник» в № 24 и 25 за 1889 г. Другой директор Томского ИРМО, ректор только открывшегося университета Николай Александрович Гезехус (1845–1918), тоже заложил свой «кирпичик» в здание будущей профессиональной музыкально-образовательной системы Сибири. Он, скрипач-любитель, участник квартета знаменитых столичных «беляевских пятниц», в полной мере понимая значение музыки в жизни молодого поколения, щедро делился своими знаниями и умениями со студентами, стремясь создать студенческий оркестр, подобно тем, что существовали в российских столицах. В фонд будущих музыкальных классов поступали и все сборы от концертов, устраиваемых членами ТО ИРМО, и от частных пожертвований, и от лотерей-аллегри.

Многолетние заботы томских энтузиастов о создании музыкальной школы подошли к своему логическому завершению тогда, когда, наконец, в журнале Главной дирекции ИРМО от 22 апреля 1892 г. появилась запись за № 47 о разрешении открыть в Томске музыкальные классы, и затем больше полугодом у председательницы Томской дирекции Камиллы Ивановны Томашинской (1865 – не ранее 1919) ушло на приглашение преподавателей, наем помещения, закупку необходимого инвентаря и прочее [12]. В феврале 1893 г. первое профессиональное музыкальное учебное заведение на просторах от Урала до Тихого океана начало функционировать в Томске [14]. Оно открылось только через три десятилетия (!) после создания Петербургской консерватории. Такого рода события не оставались без внимания царствующих особ, покровительствующих (и тем самым участвующих в осуществлении государственной социальной политики) Русскому Музыкальному обществу. Поэтому не случайно на имя К. И. Томашинской в Томск поступила от августейшей покровительницы (с 1892 г.) ИРМО великой княгини Александры Иосифовны (1830–1911) телеграмма следующего содержания: «Радуюсь открытию Музыкальных классов. Желаю им прочного успеха и поздравляю ТО с благим началом. С удовольствием прочла Отчет о деятельности Отделения за 1891/92 год. Александра» [12, с. 238]. Безусловно, подобное августейшее внимание льстило провинциальным музыкальным деятелям и одновременно стимулировало их к дальнейшей деятельности, а главное, утверждало в мысли о причастности к значительному общегосударственному делу, которому немало сил, времени и материальных средств отдавал сам императорский дом.

В открывшиеся музыкальные классы ТО ИРМО приехала преподавать ученица Василия Юльевича Виллуана (1850–1922), председателя Нижегородского отделения ИРМО, пианистка Мария Фавстовна Зубова. Музыкальное училище НижО ИРМО давало крепкую профессиональную подготовку своим воспитанникам, чем способствовало осуществлению некой «горизонтальной» связи между провинциальными РМО. Уже через год Зубова покинула Томск... но в Сибирь продолжали приезжать образованные люди в надежде обустроить здесь жизнь и найти приложение своим знаниям.

Свое пятилетие томские музыкальные классы (остававшиеся единственными в Зауральском регионе) отмечали в составе по-настоящему солидных педагогов, таких, например, как соученик Сергея Рахманинова (по классу Н. С. Зверева), выпускник Московской консерватории Леонид Александрович Максимов (1873–1904). Он, правда, продер-

жался здесь всего лишь два года, тем не менее оставил значительный след в музыкальной культуре города, повысив местную планку исполнительского и педагогического мастерства. С наступившим XX в. по какому-то удивительному совпадению в Томском отделении ИРМО и его музыкальных классах с 1901 г. началась новая эра; в этом году навсегда покинул город активнейший член ТО ИРМО А. А. Ауэрбах, ушел в мир иной Г. С. Томашинский, его супруга – Камилла Ивановна (урожд. Савицкая), некогда окончившая с золотой медалью Екатеринбургский институт – вынуждена была открыть в Томске свою частную музыкальную школу, а педагогический состав музыкальных классов ТО ИРМО пополнила прибывшая из столицы Феофания Николаевна Тютрюмова (187?–1937), долгие годы символизирующая томскую школу пианизма высокого уровня. (В успешности ТО ИРМО вообще особую роль играли женщины [15].)

Разные периоды в процессе развития пережили музыкальные классы ТО ИРМО и при всех «издержках роста» они в 1912 г. были преобразованы в музыкальное училище, о чем еженедельник «Музыка» в № 63 поместил подробный репортаж [12, с. 360–362]. Это означало их переход на качественно иную ступень и по-прежнему удерживало в региональных лидерах.

Вот тут уместно провести следующее сравнение: в сезон преобразования томских музыкальных классов ИРМО в музыкальное училище, т. е. в 1911/12 учебном году, тобольские классы ИРМО, например, вынуждены были приостановить свою восьмилетнюю деятельность, а омские отмечали лишь годовщину своего существования [14]. Об училищах в этих городах и речи не шло. Чем вызвано столь очевидное отставание этих западно-сибирских отделений от томского ИРМО? Ответ таков: после того как центр Западно-Сибирского генерал-губернаторства переместился из Тобольска в военно-казачий Омск, в этих городах сменились и культурологические акценты. Во второй половине XIX в. высший свет тобольского общества еще силился не отставать от передовых веяний российской жизни, но год от года все более представлял собой унылую картину...

В Омске жила великолепная пианистка, выпускница Петербургской консерватории (класс профессора Т. О. Лешетицкого) Александра Ивановна Даньшина, практиковавшая частные уроки музыки и гастролировавшая по Сибири с довольно сложной концертной программой. В Омске имелись крепкие музыкантские силы и в военных заведениях, но создавали в 1870-х г. местное отделение ИРМО музыканты-любители, среди которых наиболее выгодно выделялся штатный преподаватель французского языка Омского кадетского

корпуса Лев Станиславович Буланже. Он приехал в 1865 г. в Сибирь из Москвы и до конца своих дней (1907) успешно сочетал основную работу с безвозмездным служением на музыкальной ниве. Он и его супруга, Мария Федоровна, стали почетными членами ОО ИРМО, которое открывали еще в 1876 г. Не в интересах этой замечательной четы было создавать музыкальные классы, в которые по требованию времени неизбежно пришлось бы приглашать профессиональных педагогов с консерваторскими дипломами. Собственными руками менять сложившийся имидж первой скрипки местного бомонда Льву Буланже как-то, видимо, не очень хотелось (что вполне естественно и понятно)...

Томскому отделению Императорского Русского музыкального общества оставалось конкурировать к тому времени лишь со столицей Восточной Сибири: в судьбоносном и для Иркутска 1901 г. тут открылось отделение ИРМО, причем сразу с музыкальными классами, дополнив собой социокультурный ландшафт Восточно-Сибирского края, он после интенсивного пореформенного переселения сюда инициативных людей из европейской части России словно «пробудился к культуре». К началу XX в. местное купечество со своими капиталами стало здесь более образованным и просвещенным по сравнению с предыдущими поколениями, а Транссибирская магистраль немало способствовала удовлетворению культурных запросов социума этого торгово-купеческого города. Она же помогала представителям окончательно сложившегося в Российской империи нового класса людей (ежегодно пополняющегося), т. е. профессиональным музыкантам, найти место для приложения своих умений. Музыканты в провинции находились в особых условиях; они выполняли сразу несколько функций – и исполнителей, и педагогов, и концертмейстеров, и организаторов концертов, а порой и всей музыкальной инфраструктуры. Такая многофункциональность поджидала на берегах Ангары и выпускника Петербургской консерватории свободного художника Анатолия Юльевича Гинита-Пилсудского, приглашенного в 1898 г. в девичий институт на должность преподавателя светского хорового пения [6]. Через год он открыл свою музыкальную школу, в организации которой большое содействие ему оказало Общество любителей музыки и литературы, взявшее на себя расходы по внесению половины арендной платы за помещение, по закупке мебели и устройству сцены. Это общество и составило ядро Иркутского отделения ИРМО. Отделению не пришлось создавать музыкальные классы, так как их заменила частная музыкальная школа, брошенная на произвол судьбы А. Ю. Гинита-Пилсудским, внезапно покинув-

шим город. Она-то и стала образовательной составляющей в деятельности новоявленного ИО ИРМО. Однако накануне Первой мировой войны отделение прекратило свое существование, несмотря на то что создавалось под эгидой высшей чиновничьей власти в регионе и функционировало благодаря таким знаковым для иркутского общества фигурам, как выпускники Петербургской консерватории – пианистка Городецкая Евгения Григорьевна (1865–1940), виолончелист Вербов Адриан Феодосьевич (1859–1936), скрипач Синицын Михаил Николаевич (1874–1962), композитор Иванов Рафаил Александрович (1869–1915) и коренные иркутяне – певец В. И. Лосев, слепой музыкант В. П. Беляев, организатор оркестров народных инструментов Е. П. Медведев, пианист, вышедший на всероссийский уровень, А. Л. Ферштер и др. [6, с. 248–259].

После закрытия ИО ИРМО в городской музыкальной среде продолжали процветать частная музыкальная школа Е. Г. Городецкой, открытая ею еще в 1904 г., и всевозможные просветительские общества с музыкальными отделами, где находили отдохновение другие персоны, слывущие в иркутском музыкальном мире известными педагогами и воспитателями слушательской аудитории. Получилось, что к моменту закрытия Иркутского РМО острой необходимости в существовании этого «царского детища» уже не ощущалось, к тому же для его сохранения не оказалось и заинтересованных лиц. Надо заметить, что практика закрытия по разным причинам действовавших отделений ИРМО рассматривалась как объективная необходимость, и она сказывалась отрицательно лишь на местной музыкальной жизни, но никак не на всей разветвленной структуре ИРМО. В данном случае ликвидация отделения ИРМО существенно не изменила музыкального контента города, поскольку в нем продолжал доминировать образовательный сегмент.

В год полувекового юбилея Петербургского Императорского Русского музыкального общества, т. е. в 1909-м, открылось его отделение во Владивостоке. Вот с каким временным запозданием происходило музыкальное строительство в необъятной по масштабам стране. Но благо оно происходило! Несмотря на отдаленность от столиц, во Владивосток смело ехали работать выпускники столичных консерваторий и хорошо зарекомендовавших себя музыкальных училищ, таких как Тифлисское, Нижегородское, а также после Варшавского института музыки. Поэтому в музыкальных классах отделения, открытого в столь отдаленной географической точке Российской империи, успешно шел учебный процесс и образовательная составляющая тоже была довольно сильной [16–18], хотя по объективным показателям все же не могла кон-

куруировать с Томским ИРМО (старшим «по возрасту» и более опытным).

Томское музыкальное училище, накопившее значительный профессиональный капитал, после самых революционных преобразований российского жизнеустройства в 1917–1920-х гг., даже несколько модифицированное, не прекращало активной деятельности и в советский период, потому

в 2012 г. перешагнуло свой столетний рубеж. Омское музыкальное училище сегодня носит имя своего выпускника известного советского композитора В. Я. Шебалина, а Иркутск гордится богатым музыкальным прошлым.

Все это и многое другое означает, что русская Азия – это не только понятие географическое, но и культурно-историческое.

Список литературы

1. Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000. 312 с. ил.
2. Рыдин Е. К. Преподавание искусств в Императорском Харьковском Университете (1805–1905). Харьков, 1905. 36 с.
3. Эрдели К. А. Арфа в моей жизни. М., 1967. 240 с.
4. Аникиева С. А. Воспоминания бывшей институтки о С.-Петербургском Екатерининском институте. СПб., б/д.
5. Штейнпресс Б. С. Из музыкального прошлого: сборник очерков: в 2 т. М.: Музгиз, 1960–1965.
6. Харкеевич И. Ю. Музыкальная культура Иркутска. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 277 с.
7. Адищев В. И. Музыкальное образование в кадетских корпусах и женских институтах России второй половины XIX – начала XX вв.: теория, концепции, практика. М.: Музыка, 2007. 344 с.
8. Сюзор Г. П. Ко дню 75-летия Императорского Училища правоведения. СПб., 1910. 514 с.
9. Филаретова С. М. Музыка в повседневной жизни кадетских корпусов России: по архивным материалам 1830–1917 гг.: дис. ... канд. искусств. Петрозаводск, 2011. 173 с.
10. Ломтев Д. У истоков. Немецкие музыканты в России. К истории становления российских консерваторий. М., 1999. 67с.
11. Масловская Т. Ю. «Русские иностранцы» и музыкальная культура Москвы // Келдышевский сборник: музыкально-исторические чтения памяти Ю. В. Келдыша, 1997 / сост. С. Г. Зверева; Гос. ин-т искусствознания. М., 1999. С. 240–251.
12. Куперт Т. Ю. Музыкальное прошлое Томска. Томск, 2006. 788 с.
13. Зима Т. Ю. Вклад томской профессуры в развитие музыкальной культуры города в конце XIX–начале XX вв. // Вестник ТГУ. Томск. 2013, № 5 (25). С. 138–144.
14. Отчеты Томского, Иркутского и Владивостокского отделений ИРМО за разные годы.
15. Зима Т. Ю. Гендерный фактор в деятельности Томского отделения Императорского Русского музыкального общества и в становлении музыкальных учебных заведений Томска (конец XIX – начало XX вв.) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2013. Вып. 5. С. 212–216.
16. Дьябелло Л. А. Фортепианная культура Сибири и Дальнего Востока: дис. ... канд. искусств. Л., 1989. 187 с.
17. Королева В. А. Музыкальная культура юга Дальнего Востока России. 1917–1929.: дис. ... канд. истор. наук. Владивосток, 1996. 355 с.
18. Марчишина Т. В. История профессионального музыкального образования на юге Дальнего Востока России (1880–1970 гг.): дис. ... канд. искусств. Владивосток, 2004.

Зима Т. Ю., кандидат искусствоведения, доцент, докторант.

Московский государственный университет культуры и искусств.

Ул. Библиотечная, 7, Химки, Москва, Россия, 141406.

E-mail: zima-ta@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 14.02.2014.

T. Yu. Zima

FORMATION OF VOCATIONAL MUSICAL EDUCATION IN SIBERIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

The article traces the process of formation of professional music education in the vast Zauralskaya territory of the Russian Empire in late XIX – early XX centuries and defines the activities of Tomsk Branch of the Imperial Russian Musical Society (IRMO) in this regard as the most consistent and successful.

Key words: *music education, Siberia and Far East, Tomsk Branch of the Imperial Russian Musical Society (IRMS), the end of XIX – early XX centuries.*

References

1. Andreev A. *Moscow University in the social and cultural life of Russia at the beginning of the XIX century*. Moscow, 2000. 312 p., Ill. (in Russian)
2. E. K. Rydin. *Teaching the Arts in Imperial Kharkov University (1805–1905)*. Kharkov, 1905. 36 p. (in Russian).

3. Erdelyi K. A. *Harp in my life*. Moscow, 1967. 240 p. (in Russian).
4. Anikieva S. A. *Memories of former schoolgirl St. Petersburg Catherine Institute*. Saint Petersburg, B/d. (in Russian).
5. Shteynpress B. S. *From the musical past: A collection of essays*. In 2 vol. Moscow, Muzgiz Publ., 1960–1965. (in Russian).
6. Harkeevich I. Yu. *The musical culture of Irkutsk*. Irkutsk, Izd. Irkut. Un-ta Publ., 1987. 277 p. (in Russian).
7. Adischeva V. I. *Music education in military schools and women's institutes in Russia the second half XIX – early XX centuries.: Theory, concepts, and practice*. Moscow, Muzyka Publ., 2007. 344p. (in Russian).
8. Suzor G. P. *By the day of the 75th anniversary of the Imperial School of Jurisprudence*. Saint Petersburg., 1910. 514p. (in Russian).
9. Filaretova S. M. *Music in everyday life cadet Russia: on archival materials 1830–1917*. Author diss. cand. arts. Petrozavodsk, 2011. 173 p. (in Russian).
10. Lomtev D. At the source. *German musicians in Russia. On the history of development of Russian conservatories*. Moscow, 1999. 67c.;
11. Maslovskaya T. Yu. "Russian foreigners" and the musical culture in Moscow. *Keldysh Collection: Music and reading historical memory* Yu. V. Keldysha, 1997. Comp. S. G. Zvereva. Gos. int-Art. Moscow, 1999, pp. 240–251 (in Russian).
12. Kupert T. Yu. *Musical past of Tomsk*. Tomsk, 2006. 788 p. (in Russian).
13. Zima T. Yu. Contribution Tomsk professors in the development of musical culture of the city in the late XIX-early XX centuries. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2013, vol. 5 (25), pp. 138–144 (in Russian).
14. Reports Tomsk, Irkutsk and Vladivostok offices IRMO for different years (in Russian).
15. Zima T. Yu. Gender perspective in the activities of the Tomsk branch of the Imperial Russian Musical Society, and in the development of music education in Tomsk (late XIX – early XX centuries). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, vol. 5, pp. 212–216 (in Russian).
16. Dyabelko L. A. *Piano culture of Siberia and the Far East: diss ... candidate. arts. L.*, 1989. 187 p. (in Russian).
17. Koroleva V. A. *Musical Culture southern Russian Far East. 1917 1929*. Diss. ... Cand. hist. Sciences. Vladivostok, 1996. 355 p. (in Russian).
18. Marchishina T. V. *History of professional music education in the south of the Far East Russia (1880–1970)*. Author diss. cand. arts. Vladivostok, 2004 (in Russian).

Moscow State University of Culture and Arts.

Ul. Bibliotchnaya, 7, Khimki, Moscow, Russia, 141406.

E-mail: zima-ta@yandex.ru